

11. Jackendoff R. Semantics and cognition / R. Jackendoff. – Cambridge, Mass., 1993. – 221 p.

**THE COGNITIVE APPROACH
IN TIME-SPACE CONCEPT INTERPRETATION**

V.G. Piksendeeva

Murmansk State Humanities University, Murmansk

The article is devoted to the problem of representation such abstract phenomena as time and space. The author depicts the ways of representation within the framework of cognitive science.

Key words: *cognitive linguistics, concept, conceptualization process, world picture, cognitive picture, language picture, language system, time, space, mental pictures.*

Об авторе:

ПИКСЕНДЕЕВА Виктория Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Мурманского государственного гуманитарного университета, *e-mail:* pvg12@mail.ru.

УДК 304.2:81

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКА ВСЕМИРНОГО ОБЩЕНИЯ**

В.М. Смокотин, С.К. Гураль

Томский государственный университет, Томск

Статья посвящена вопросу смены научной парадигмы, основанной на языковой картине мира, существовавшей до трансформации английского языка в язык всемирного общения. Путём изучения процессов языковой и культурной глобализации показано, что язык всемирного общения при его вхождении в этнокультурные идентичности не приводит к уничтожению языкового и культурного разнообразия планеты.

Ключевые слова: *язык всемирного общения, этнокультурная идентичность, языковое и культурное разнообразие.*

Растущее признание значения языков и культур как части нематериального наследия человечества привело к широкому осознанию необходимости принятия мер по изучению, сохранению и поддержке исчезающих языков и культур и даже возрождению языков, считавшихся безвозвратно утраченными. Согласно данным третьего издания «Атласа языков мира, находящихся в опасности исчезновения», в настоящее время в результате процессов глобализации в различной степени отмирания находится 2471 язык, то есть почти

половина из сохранившихся языков [Moseley 2010]. Угроза утраты языкового и культурного наследия потребовала не только действий по документации, описанию и поддержке языков за счёт проведения определённой языковой и культурной политики, но и вызвала беспрецедентный интерес к междисциплинарным исследованиям явлений языка и культуры, включая вопросы об их взаимоотношениях и роли этнокультурной идентификации.

Тесная связь языков и культур отмечалась учёными (философами, антропологами и социологами) ещё задолго до возникновения глобализационных процессов информационного века, когда язык изучался в основном как чисто лингвистическое явление. Одним из первых лингвистов, обративших внимание на неразрывную связь языка и национальной культуры, был немецкий философ и языковед, основатель Берлинского университета В. фон Гумбольдт. Учение Гумбольдта о языке как непрерывном творческом процессе и отражении в языке индивидуального мирозерцания народа явилось результатом его длительных языковых исследований, начиная с изучения языка басков в Испании. В своём последнем труде Гумбольдт писал: «Язык не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [Гумбольдт 1984: 45-48]. Язык, по мнению В.Гумбольдта, является частью национальной идентичности: «Вместе с родным языком мы воспринимаем как бы частичку нашей самости» [там же: 68-69].

Понятие «народного духа», используемое Гумбольдтом в его теории о связи языков и духовного развития народов, впервые было использовано во французской философии эпохи Просвещения во второй половине XVIII века при объяснении разницы национальных характеров. Наиболее влиятельной работой французских мыслителей этого периода, посвящённой влиянию природных и исторических условий на формирование «духа народа», стал трактат Ш.Л. де Монтескьё «О духе законов» (*De l'esprit des lois*), опубликованный в 1748 г. Среди факторов, определяющих «дух нации», Монтескьё рассматривал законы, обычаи, правительство, религию и историю [Кра 2002: 1-6]. Идеи Монтескьё о «духе народа» нашли особенно широкий отклик в политически раздробленных германских государствах, где работа Ф.К. фон Мозера «О немецком национальном духе», написанная под влиянием Монтескьё, вызвала обширную дискуссию о роли языка и культуры в становлении культурной идентичности германского народа [Vazssonyi 1999: 225-246].

Дальнейшее развитие концепция «народного духа» получила в трудах немецких философов И.Г. Гердера и И.Г. Фихте, которые от просветительской цели объяснения причин многообразия индивидуальности народов постепенно пришли к понятию о своеобразии и творческой силе народного духа в качестве построения государства-нации. Подчёркивая важность учёта

культурных и языковых особенностей народов, возникших на основе специфического физического окружения и исторического развития, Гердер заложил основы исследований этнокультурной идентичности. В трактате о происхождении языков, опубликованном ещё в 1772 г., он объяснил множественность человеческих языков естественным разделением групп людей, что приводит к возникновению различий в языках под влиянием природных и географических условий и особенностей исторического развития. Концепция Гердера о «народном духе» подчёркивала значение языка, культурных особенностей, истории, обычаев, физического окружения в формировании наций. Критикуя высшие классы германских государств за их увлечение французским языком и культурой и пренебрежение к языку и культуре простого народа, Гердер выражал уверенность в том, что настоящая культура должна исходить из исконно народных корней, а не из космополитического манеризма аристократии [Гердер 1977]. Идея Гердера о народном духе и взаимосвязи языка и культуры нации получила дальнейшее развитие в трудах одного из виднейших представителей немецкой классической философии, И.Г. Фихте. Свои взгляды на важность языка в борьбе за сохранение культурной идентичности германского народа, Фихте выразил в серии из 14 обращений к германской нации, впервые опубликованной в 1808 г. В четвёртом обращении, Фихте говорил о «неизмеримом влиянии» на «всё человеческое развитие народа» характерных свойств его языка [Fichte 2015]. Исследования В. фон Гумбольдта и его предшественников, посвящённые роли национальных языков и культур в формировании этнокультурной идентичности народов и отдельных личностей, послужили основой для широкомасштабных междисциплинарных исследований, начиная со второй половины XIX столетия и по настоящее время, и вызвали многочисленные споры о влиянии языка на национальное мировоззрение и когнитивную деятельность.

В конце XIX- начале XX веков одним из основных центров этнологических и этнографических исследований стали Соединённые Штаты в связи с большим интересом к языкам и культурам коренных народов Америки. Американский антрополог Ф. Боас пересмотрел понятие культуры и включил в него языки в качестве одного из наиболее важных компонентов. В основополагающем труде «Ум первобытного человека» он отмечал, что «описание культуры до сих пор, как правило, ограничивалось материальной культурой, социальными отношениями, искусством и религией, и частично этическими отношениями и рациональной деятельностью; язык редко включался в описание культуры» [Boas 1938: 158]. Ф. Боас был одним из первых учёных, выступавших против европейского культурного и лингвистического центризма и пренебрежительного отношения к языкам и культурам малых народов. Хотя сам Боас не высказывал мнения о безусловном влиянии языков и культур на мировоззрение и когнитивную деятельность, дальнейшее

развитие этнолингвистики в трудах его учеников Э. Сепира и Б. Уорфа связано с выдвижением принципа лингвистической относительности – представлением о том, что «картина мира» человека зависит не столько от окружающей действительности, сколько от грамматической и лексической структуры его языка. Согласно определению Уорфа принцип относительности состоит в том, что «все наблюдатели на основе тех же самых физических свидетельств не приходят к той же самой картине вселенной, если их языковые опыты не совпадают или не могут быть сверены каким-либо образом» [Whorf 1956: 214]. Уорф, однако, не поддерживал лингвистический детерминизм. В статье «Отношение норм поведения и мышления к языку» он писал: «Я отнюдь не утверждаю, что есть непосредственная прямая связь между культурой и языком» [там же: 138-139].

Негативная атмосфера для исследований языкового и культурного разнообразия, а также тесной связи языков и культур, возникшая в США в 50-60е годы, была результатом всё возрастающей поддержки среди американских лингвистов нового «генеративного» направления в лингвистике, развиваемого Н. Хомским. Взгляды Хомского на существование «внутренней структуры, общей для всех человеческих языков», были впервые опубликованы в 1957 году в виде монографии «Синтаксические структуры». Хомский заявил о том, что все естественные языки являются врождёнными, с присущей им внутренней синтаксической структурой, и что «грамматика автономна и не зависит от лексического значения» [Chomsky 1957: 17]. Концепция Хомского о существовании «универсальной грамматики», служащей основой для всех отдельных «местных грамматик», основывалась на существовании так называемых языковых или лингвистических универсалий, то есть общих для всех языков свойств, как например, личных местоимений 1, 2 и 3 лица. Наибольший вклад в развитие теории лингвистических универсалий внёс американский лингвист Дж. Гринберг, описавший 45 основных универсалий на материале около 30 языков мира [Greenberg 1963, 2002]. Концепция «универсальной грамматики» была использована Хомским для выдвижения гипотезы о существовании в человеческом мозгу в течение определённого критического периода после рождения специального органа, функционирующего как врождённый «механизм» усвоения языка. Гипотеза о существовании органа освоения языка была изложена Хомским в его критической статье, посвящённой книге Б.Ф. Скиннера «Вербальное Поведение», в которой он выступал против понимания «вербального поведения» как поведения, усвоенного в процессе обучения [Chomsky 1959: 26-58].

В течение нескольких десятилетий концепция Хомского о врожденности «универсальной грамматики» стала доминантной теоретической парадигмой и привела к возникновению на своей основе новых научных направлений. Вместе с тем, чрезмерное увлечение гипотезами Хомского об универсальной природе человеческих языков, оказало отрицательное влияние на

исследования в области языкового и культурного разнообразия. Главной задачей лингвистики, вслед за Хомским, многие видели в формальном описании универсальной грамматики, общей для всех языков и автономной от семантики и культуры. В рамках смены парадигмы лингвистических исследований в процессе включения в исследовательское поле семантики и культуры в 70х годах возникло направление, получившее название «когнитивная лингвистика». Основоположники нового направления, включая Дж. Лакоффа и Ч. Филлмора, обратились к разработке иных подходов к описанию языков, в которых основным объектом лингвистического анализа становились семантические структуры в их связях с языковыми формами. Дж. Лакофф, в работе «Женщины, Огонь и Опасные Вещи: категории и ум», опубликованной в 1987 году, указывал, что, поскольку язык часто используется метафорически, и разные языки используют разные культурные метафоры, это, без сомнения, ведёт к зависимости между языком, культурой и мышлением [Lakoff 1987: 16]. Отказ от идеи об универсальности грамматики Хомского означал признание того, что усвоение языка определяется не в результате действия «врождённого языкового механизма», а в процессе использования языка, что, следовательно, определяет чрезвычайное языковое и культурное разнообразие человечества. Развитие когнитивной лингвистики привело, таким образом, к растущей поддержке взглядов Сепира и Уорфа, выраженных в умеренной форме принципа лингвистической относительности.

Взаимоотношения языка и культуры также привлекли значительное внимание в отечественной науке и рассматривались в качестве предмета исследования в трудах многих учёных, которые, ввиду многоаспектности феноменов языка и культуры, использовали исследовательские методы и подходы различных теоретических дисциплин. Основоположник направления этнолингвистики в российской науке о языке, академик Н. И. Толстой, признавал тесную, неразрывную связь языка и культуры, но в то же время подчёркивал сложность и неоднозначность их взаимоотношений. «Отношения между культурой и языком могут рассматриваться как отношения целого и его части, – писал он в книге «Язык и народная культура», вышедшей в 1995 году, – Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры <.>.. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно) или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом» [Толстой 1995: 16]. Академик Д.С. Лихачёв, внесший неопределимый вклад в сохранение и развитие русской национальной культуры, неоднократно высказывался против рассмотрения языка в отрыве от культуры. В проекте «Декларации прав культуры» им был впервые сформулирован новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества. Культура, как указывается в Декларации, представляет смысл и глобальную ценность существования как народов, малых этносов, так и го-

сударств. Вне культуры их самостоятельное существование лишается смысла. Взгляды Д.С. Лихачёва на взаимоотношения языка и культуры явствуют из Статьи 1 Декларации, в которой, при определении понятия «культура», указывается на то, что язык, как часть культурно-исторического наследия, является частью культуры наряду с «идеалами, традициями, обычаями, обрядами, <...> произведениями искусства, <...> памятниками археологии, архитектуры, науки и искусства, <...> уникальными ландшафтами, зонами и местностями археологического, исторического и научного значения, <...> а также другими предметами и явлениями, обладающими историко-культурной ценностью» [Лихачев 2006: 390-391]. Роль языка в сохранении этнокультурной идентичности отражена в Статье 4, которая гласит: «Культура каждого народа имеет право на сохранение своего языка как основного средства выражения и сохранения духовно-нравственного своеобразия нации, формы бытования национального самосознания, как носителя культурных норм, ценностей, идеалов» [там же: 392].

С точки зрения семиотики, научной дисциплины, изучающей различные знаковые системы, хранящие и передающие информацию, проблемы взаимоотношений языков и культур были освещены в трудах Ю.М. Лотмана, автора универсальной семиотической теории и методологии. Используя в качестве объекта анализа семиотическое пространство («семиосферу»), Лотман пришёл к выводу, что условием существования языка и культуры является необходимость другого человека, языка и культуры, так как пространство реальности не охватывается ни одним языком в отдельности, но только их совокупностью [Лотман 2000]. Адекватность понимания внешнего мира не может быть достигнута на основе одного языка и культуры. «Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией, – писал Лотман, – Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир» [Лотман 2000: 13].

Идея необходимости выхода за пределы своей культуры с целью преодоления замкнутости и однозначного понимания мира и своей культуры выражена также в трудах русского философа, литературоведа и теоретика культуры М.М. Бахтина. В статье о состоянии литературоведения он высказывался о необходимости «диалогической встречи культур» для лучшего осмысления проблем, которые в пределах одной культуры могут остаться без ответа. «Чужая культура, – указывал Бахтин – только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже <...>. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур <...>. При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая охраняет своё единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащают-

ся» [Бахтин 1979:334-335]. Признание диалогового характера культуры приводит Бахтина к осознанию необходимости обращения в понимании мира к другим культурам и языкам.

Развитие лингвистического аспекта отечественной культурологии привело к росту исследовательского интереса к вопросам взаимоотношения и взаимодействия языков и культур, а также роли языка в становлении этнокультурной идентичности. Отмечая тесную взаимосвязь и взаимозависимость языка и мышления и анализируя их соотношение с культурой и действительностью, С.Г. Тер-Минасова, приходит к выводу, что **«язык, мышление и культура** взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трёх компонентов, ни один из которых не может функционировать (а, следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с **реальным миром**, противостоят ему, зависят от него и одновременно формируют его» [Тер-Минасова 2000: 39]. Тесная взаимосвязь культурной и языковой картин мира объясняет также, согласно Тер-Минасовой, неудачи разных лингвистических школ оторвать язык от реальности и изучать язык на материале лишь чисто лингвистических форм и структур. «Необходимо принимать во внимание, – указывает С.Г. Тер-Минасова, – не только языковую **форму**, но и **содержание** – таков единственно возможный путь всестороннего исследования любого явления» [там же: 46]. Подчёркивая важность языка в формировании этнокультурной идентичности, Тер-Минасова пишет: «Язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного сознания данного речевого коллектива» [там же: 14].

На рубеже XX и XXI веков языковая картина мира значительно изменилась в связи с возникновением и развитием нового языкового явления – языка всемирного общения на основе одного из самых широко распространённых языков мира, что поставило под вопрос сложившиеся представления о взаимосвязи языка и культуры и об их роли в этнокультурной идентичности. Приобретение английским языком глобального статуса и его превращение в язык всемирного общения является одним из следствий глобализации, вызвавшей необходимость во всеобщем языке для обеспечения межъязыковой коммуникации во всех областях человеческой деятельности. Язык всемирного общения представляет собой вариант английского языка со стандартом в стадии формирования, имеющий следующие характерные черты: 1. использование данного варианта в международном общении в условиях глобализации в качестве средства для преодоления межъязыковых барьеров во всех областях современной жизни; 2. отсутствие в языковом варианте национальной культурной составляющей, что обеспечивает его нейтральность; 3. язык всемирного общения является носителем складывающейся глобальной культуры и глобальной идентичности, выражающей осознание идентифика-

ции с глобальным сообществом, образующимся по мере построения мирового экономического, политического и культурного пространств; 4. основным критерием, отличающим язык всемирного общения от других вариантов английского языка является его использование не столько в этнокультурной (репрезентативной), сколько в коммуникативной функции для обеспечения взаимопонимания между различными этносами [Смокотин 2011: 23].

Обоснованность признания языка всемирного общения как нового явления, отличающегося от традиционного использования иностранных языков в межэтническом общении, подтверждается признанием его как международного *lingua franca* (ELF), имеющего свои характерные особенности, отличающие его от национальных вариантов, что отражается в исследовательской работе по созданию международного свода английского языка (VOICE) на основе разговорных взаимодействий пользователей всемирного языка [Seidlhofer 2001]. Формирование языка всемирного общения сопровождается созданием новой всемирной культуры, складывающейся на основе новых межкультурных структур, которые репрезентируют глобальную культуру и служат базой для её развития. Какие изменения имеют место, когда всемирный язык входит в тот или иной этнос? Может ли он рассматриваться в традиционном плане, то есть как критерий этнокультурной идентичности? Что происходит в этом случае с исконным критерием – языком этноса? Меняет ли язык всемирного общения понятие этнокультурной идентичности, сопричастившись с языком этноса? Если меняет, то как? И может ли вообще меняться само понятие этнокультурной идентичности?

Формирование языка всемирного общения в условиях глобализации происходит при одновременном формировании глобальной культуры и глобальной идентичности, поэтому связь языка и культуры проявляется также и в случае всемирного языка. Однако язык всемирного общения вступает в комплементарные отношения с этнокультурной идентичностью и этническим языком, поскольку его репрезентативная функция направлена не на этническую культуру, но на те общие культурные пространства, которые появляются в межкультурных коммуникациях. Благодаря этим «коммуникативным зонам» данный этнос становится открытым, выходит на международную арену при сохранении своей этнокультурной идентичности. Появляется новое культурное образование – множественная идентичность, где этнокультурная и глобальная идентичности сосуществуют. Складывающаяся глобальная культура создаётся на основе ценностей общих для всех национальных культур, и каждая национальная культура на уровне своего глобалитета вносит свой вклад в формирование глобальной культуры. Специфика складывающейся глобальной культуры состоит в том, что она не ассимилирует все существующие этнические культуры, но сплетает, сцепляет их в единое множество, где параллельно существуют этнические культуры, сцеплённые по горизонтали найденным в век глобализации единым содержанием

различных культур. Введение понятия языка всемирного общения приводит к необходимости методологического разграничения понятий «этническая культура» и «культура этноса». Этническая культура выражает языковую и культурную самобытность этноса. Культура этноса, кроме этого, включает в себя и язык всемирного общения, который репрезентирует формирующиеся в коммуникациях различных этносов общие «коммуникативно-культурные зоны» – зоны глобальной культуры. В культуре этноса специфически этнический и общий всемирный языки сосуществуют, поскольку репрезентируют разные культурные пласты [Смокотин 2011: 22].

Этнокультурная идентичность, как часть множественной идентичности языковой личности эпохи глобализации, представляет собой социально-психологический конструкт, передающий степень осознания индивидуумом себя как члена этнической группы и, соответственно, степень овладения индивидуумом данной этнической культурой, а также принятие её системы ценностей и безусловное следование им на практике. Этнокультурная идентичность не представляет собой статическое явление, а имеет динамичный, изменчивый характер, и в каждый определённый момент времени находится в континууме. Под этнокультурной идентичностью на уровне больших и малых групп понимается осознание группой своего единства на основе общего языка и культуры, проявляющееся в коллективных формах манифестации. Наиболее важными формами интеграции в этнокультурное пространство являются язык и мировоззрение, определяющие поведенческие характеристики человека на основе системы ценностей, отражающихся в комплексе отличительных символов (эмблем, знаков, мифов, легенд, святынь и т.д.) [Смокотин 2011: 27].

Таким образом, входя во множественную идентичность языковой личности эпохи глобализации, язык всемирного общения выполняет здесь преимущественно коммуникативную функцию и оставляет нетронутой область репрезентации предметного содержания этнической культуры, которая представлена в этнокультурной идентичности. Язык всемирного общения не разрушает этнокультурной идентичности, поскольку в ней сохраняется «твёрдое ядро» – менталитет и локалитет, хотя оно и «обрастает» глобальностью [Кондаков 2009: 23]. Язык всемирного общения выполняет двойную функцию: сохраняет этнос в тот период, когда глобальные процессы стремятся его «стереть», «смыть»; выводит этнос (тем и сохраняет его) на международную арену, позволяя ему, оставаясь специфическим образованием, адаптироваться к внешним условиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 341 с.
2. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
3. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на ду-

- ховное развитие человечества (1830-1835) / В. Гумбольдт // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С.37-297.
4. Кондаков И.В. Россия мира: российский глобалитет в потоке мировой истории / И.В. Кондаков // *Eurasian Review*. – 2009. – Vol.2. – P. 1-46.
 5. Лихачёв Д.С. Декларация прав культуры / Д.С. Лихачёв // Д.С. Лихачёв. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб.: СПбГУП, 2006. – 416 с.
 6. Лотман Ю.М. СЕМИОСФЕРА (Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статья. Исследования. Заметки (1968-1992) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
 7. Смокотин В.М. Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации: Автореф. дис. ... д-ра философ. наук: 24.00.01 / В.М. Смокотин; Нац. исслед. Томский гос. ун-т. –Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. – 42 с. – На правах рукоп.
 8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Слово, 2000. – 146 с.
 9. Толстой Н.И. Язык и культура / Н.И. Толстой // Н.И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и лингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
 10. Boas F. *The Mind of Primitive Man*. – New York: The MacMillan Company, 1938. – 312 p.
 11. Chomsky N. *Syntactic Structures*. – The Hague, Paris: Mouton, 1957. – 118 p.
 12. Chomsky N. Review of B.F. Skinner's *Verbal Behavior* // *Language*. – 1959. – No.35. – P.26-58.
 13. Fichte J.G. *Reden an die Deutsche Nation* // *Spiegel Online Kultur, Nachrichten*. Retrieved: October 24, 2015.
 14. Greenberg J.H. (ed.). *Universals of Languages*. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1963. University Press, 2002.
 15. Kra P. The Concept of National Character in the 18th Century France // *Cromohs*. – 2002. – No.7. – P. 1-6.
 16. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What categories reveal about the mind*. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
 17. Moseley Ch. (ed.) *UNESCO Atlas of the World Languages in Danger*. – Paris: UNESCO Publishers, 2010.
 18. Seidlhofer B. Closing a conceptual gap: the case for a description of English as a lingua franca // *International Journal of Applied Linguistics*. – 2001. – Vol.11. – №2. – P.133-158.
 19. Vazsonyi N. Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the “National Spirit Debate” in Germany, 1765-1767 // *German Studies Review*. – 1999. – Vol. 22. – No.2. – P.225-246.
 20. Whorf B.L. *Language, Thought and Reality*. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1956. – 289 p.

**LANGUAGE AND CULTURE INTERRELATIONS
AND ETHNOCULTURAL IDENTITY DURING THE FORMATION
OF THE LANGUAGE OF WORLDWIDE COMMUNICATION**

V.M. Smokotin, S.K. Gural

Tomsk State University, Tomsk

The article is dedicated to the question of the paradigm shift caused by the changing of the language picture of the world that existed before the transformation of the English language into the language of worldwide communication. On the basis of research into the processes of linguistic and cultural globalization, it is shown that when the language of worldwide communication becomes part of ethnocultural identities, it does not lead to the destruction of linguistic and cultural diversity of the planet.

Key words: *language of global communication, ethnocultural identity, cultural and linguistic diversity.*

Об авторах:

СМОКОТИН Владимир Михайлович – доктор философских наук, заведующий кафедрой английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Томского государственного университета, e-mail: vladimirsmokotin@yandex.ru;

ГУРАЛЬ Светлана Константиновна – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета иностранных языков Томского государственного университета, e-mail: gural.svetlana@mail.ru.

УДК 81'27

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

И.В. Татарникова, Е.В. Шереметьева, О.А. Асютина

Таврическая академия Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского, Симферополь

Одним из актуальных направлений современного языкознания является изучение особенностей реализации социальных функций языковых единиц на разных уровнях, в том числе и на фонетическом, что способствует решению ряда теоретических проблем функционально-стилистической дифференциации языка и находит применение в практике преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: *фоностилистика, фонетический стиль, функциональный стиль, вариативность звукового состава.*

На протяжении нескольких десятилетий фоностилистика находится в центре внимания российских и зарубежных исследователей.

Фоностилистика является относительно молодой дисциплиной, однако, сам термин – не новый. В языкознании принято считать, что он введён в научную литературу Ш. Балли для определения экспрессивной фонетики, или «звуковой стилистики» – «Lautstilistik» – по определению Н.С. Трубецкого [Трубецкой 1960: 18].

А.А. Реформатский писал, что «всякая наука в своем развитии переживает обычно три стадии: 1) хаотичное накопление материала; 2) классифика-